

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

Евгений Прудченко

НОЧНОЕ КАФЕ

Тархову

Николаю Александровичу

Сатир полуживой с истерзанным мольбертом,
что в краски добавляет райский страх,
небесный зов, любви, щепоть эфедры...
сидит в кафе ночном с улыбкой на устах
и кисточку ласкает нежно фетром.
(Не зли богов! — последним будет Вакх.)

Прекрасна гамма лжи в проточном интерьере,
там равно хороши химеры и лопух...
Что праведник? — увяз по шею в вере,
для грешника важнее веры — дух!
«Я напишу лишь то, что... что у колыбели...»,
и отгоняет от объедков мух.

Бессмертна кисть творца, воспевавшая портреты;
мадмуазели, глядя на холсты,
(довольно пережевывать конфеты!)
не выдержат — зажмут свои носы?!
Жаль, не растиражируют газеты...
про бедность... и предсмертные часы.

Предместье Сен-Мартен, пейзаж в Париже скверен,
с цветами вазы вышли на парад,
там — будто бы уснули менестрели.
А он сидит... последней рюмке рад!..
и куртизанке в близлежащем сквере.
Мир деформирован. Кто в этом виноват?..

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ

Татьяна Богданова

ЧЮРЛЁНИС

Музыка неба звучит голубая,
Зорко лишь сердце одно!
Переселяется нота любая
Краскою на полотно,
Брызжет струя, Млечный Путь углубляя, —
Геры грудное «вино»!..
Сочного луга, янтарного моря
Образы ритму волшебному вторят...

Чуткий Чюрлёнис по вспаханным нивам,
По буреломным лесам,
Словно архангел с утраченным нимбом,
Мягко светящийся сам,
Видящих зрителей вёл торопливо
В дальнюю даль — к чудесам!
При «Сотворении мира» сначала
Тихо Эолова арфа звучала...

Что в композиции, что в колорите —
Фуги, сонаты поют.
Ну, а Волошин — взыскательный критик —
К новому веянию крут:
«Он — дилетант! Что Вы мне говорите?
Разве предвиденье тут?..»
Сходны по снимкам из космоса даже
Крайнего Севера льды и пейзажи!

Сколь фантастически эти картины,
Столь очевиден талант.
«Бог “дилетантов” вовек не покинет,
Ибо он сам — дилетант!» —
Рёк Бенуа, расправляя свой длинный,
Шоковый, шёлковый бант.
Жалким обрывкам пигмейских трагедий
Бог недоступен, и путь заповеден.

Московская область, г. Подольск

Наталья Запорожцева

«ДОМ НА ЮРУ»

*К 125-летию художницы
Лидии Никаноровой (1895–1938)¹*

Осенним вечером приличный господин
Принёс застенчиво пакет бумажный:
«Напишете о ней?!». О, человек отважный,
Он душу мне разбередил.
Там было пепелище, там сгорала жизнь
От первого письма и до финала,
Там женщина любила и страдала
И из руки не выпускала кисть...

* * *

«Мой нежный снежный друг,
От первой встречи в бальной зале
Прошли столетья, вы сказали, —
Природа завершила круг,
Исчезли вдруг
Мечтанья девичьи и грёзы,
Растаяли прикамские берёзы
В туманной дымке Крыма...
Оглянись!

Где гимназистка, что вели вы в танце?
Остались блёклые фиалки глаз
Бесполой особи, по виду корсиканки,
Глядящие на вас.
Я шлю вам горькие цветы абсента,
Что сладко опьяняют, как вино...
Здесь говорят почти что без акцента,
По-итальянски, я скажу одно:

¹ Стихотворение написано под впечатлением романа в письмах Вениамина Каверина «Перед зеркалом». Адресаты писем — профессор математики Константин Карновский и сарапульская гимназистка Лидия Никанорова, покинувшая родину в Гражданскую войну и жившая в Константинополе, Франции и на Корсике, ставшая впоследствии известной художницей.

Как убежала из голодной Ялты,
Где женщин раздевали на ветру,
В потоке пропадали эмигранты.
А голод брал за глотку поутру.
Там незачем и нечем было жить
И некому и не за что судить...
В тартарары!

Мгновенно скрылся старый Крым,
И гул Константинополя всё ближе:
И проходящих пароходов дым
Убогий чёлн настиг и лижет...

И, наконец, Париж. Зацвёл миндаль,
И воздух напоён озоном,
И мачты лодок строят вертикаль,
Готовые сорваться с горизонта.
И бесконечная фиалковая даль
Оберегает отдых Посейдона.
Как жаль, что надо уезжать,
Для нас в Париже нету дома...

На пристани в Марселе пароход
Идёт на Корсику, где кубики жилищ
Взбираются по скалам, и страшилищ
Выбрасывает поутру восход
На камни берега...

А в Бонифацио, хоть и весна,
Оливковых деревьев новизна,
Но скалы да колючки, из окна
Сардиния видна — как сказка...
В окно попросится ручная ласка
В дом на юру, где ветер словно бес,
Где рыбаки готовят *буйабес*².
Где чайки плачут, как грудные дети.
И нет любимого, нет никого на свете,
Кто в душу глянул бы и обогрел.

² Буйабес — рыбный суп.

Здесь Корсика, здесь заслужил расстрел
Король маки, отважный Романетти.
Здесь нравы жёсткие, и грезятся стихи
Про вербное родное славоцветье.

И снова дует ветер ураганный,
Влечёт к тебе, мой нежный, мой желанный...
Дом на юру у моря. Снится мне,
Что скоро я умру, умру от горя...»

Удмуртия, г. Сарапул

ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ

Лидия Нечаева

ПУТЬ МАРИАННЫ ВЕРЁВКИНОЙ

1. Стиль художницы

«Быть художником... — иметь мир
внутри себя с собственными формами,
чтобы этот мир выразить».

«... бьётся моя душа, жаждущая всегда
красоты и блага».

М. Верёвкина

Всё для блага и для красоты, —
Поклоняться, как богу, искусству,
В новом стиле достичь высоты,
Покрывая холсты своей грустью.

Интенсивный экспрессионизм,
На полотнах — эмоции, чувства,
Разноцветный французский фовизм
И мазки, нанесённые сгустком.

Все дороги ведут в никуда,
Их скрывают суровые горы,
Словно спорят друг с другом цвета —
Тёмно-синий, оранжевый, чёрный.

Потеряв человеческий лик,
Обречённо бредут по дорогам,
Затаив в себе мунковский крик,
Чьи-то люди, забытые богом.

И пророчит Кассандра беду
На расцвеченном автопортрете,
Полыхающих дней череду
На потерянной синей планете.

Но с годами умеренней цвет,
Расширяется красочно гамма,
Впереди появляется свет,
Прибываются путники к храму.

И неважно, какой это стиль
И какая струя модернизма,
На картинах — свой внутренний мир
В рамках подлинно прожитой жизни.

Постигается в поиске суть,
Застывают под кистью мгновенья,
Марианны Верёвкиной путь —
Путь страданья и путь примиренья.

2. Он и она

«Он — творение моей жизни, моя
конечная цель, моя попытка».

«Искусство — вот великая власть
Лулу³ надо мной».

М. Верёвкина

Я понял, что страдания изменили
меня, и что мне нужно искать
новые формы и иные цвета для
выражения чувств.

А. Явленский

Марианны Верёвкиной путь,
Алексея Явленского лица...
Невозможно былое вернуть,
Ничему не дано повториться.

³ Так Марианна Верёвкина называла своего гражданского мужа
А. Явленского.

Обречённый жестокий роман,
Обнажённые сильные чувства,
Превращая их в жизни в обман,
Принесли они жертву искусству.

Безнадёжный извилистый путь,
Рассечённый на части стволами,
И свою обострённую грусть
На картинах она рисовала.

Он — как будто за жертвы ей мстил —
Флиртовал, изменял постоянно,
Не скупясь, на холсты наносил
Напряжённые грубые пятна.

Он покинул её навсегда,
Превратившись навеки в чужого...
Как она, он любил и страдал
Для искусства — святого, благого.

Одолела она перевал,
Её горы покрылись цветами...
Он абстрактные лица писал
До конца, очень просто — крестами.

Московская область, г. Дзержинский

Надежда Ерофеева

ЗНАКИ ЗОДИАКА

По мотивам картин М.К. Чюрлёниса

Владыка вод — божественной стихии —
Величественный, гордый **Водолей**...
В его руках живительный ручей
Сверкает, будто струи дождевые.

Мистические сказочные **Рыбы**
Плывут и над водой, и под водой.
Им солнце светит ярко звездой
Над нежно-бирюзовой водной зыбью.

Бесстрашный **Овен** на вершине горной,
Взобравшийся на самый верх скалы,
Мечтает оторваться от земли
И воспарить орлом над миром гордо.

Телец упрям, но выдержан, спокоен,
Готов принять природные дары
И золото светила, что горит
Монетой на вечернем небосклоне.

Контакт между собою и Вселенной
Пытаются наладить **Близнецы**...
Незримой нити связаны концы,
Небесные настроены антенны.

Отшельник — **Рак** хранит свои секреты,
Надёжно спрятав от пытливых глаз.
По дну идёт, как мастер-водолаз,
Искусно обходя врагов и сети.

Гривастый **Лев** в пустыне африканской —
Хозяин, без сомнений! Царь зверей!
Охотник, что сильнее всех, быстрее —
Нет у добычи на спасенье шансов!

Прекрасен взгляд у кроткой, нежной **Девы**...
В небесную лазурь он устремлён.
И льётся колокольчиковый звон
Под тихие, лиричные напевы.

Рыбачьи лодки... Взлёты, погруженья
Подчинены движению волны.
И, кажется, проблемы решены...
Весы — баланс гармонии Вселенной.

Раскроет тайну смерти, возрожденья
Живущий под землёю **Скорпион**.
И пусть вас не пугает жалом он —
Быть может, это путь к освобожденью?

Охотится за птицей меткий лучник,
А птица — это вечность, воля, свет!
В **Стрельце** живёт философ и поэт,
Способный развести руками тучи!

Спокойствие, ответственность, надёжность,
Степенность излучает **Козерог**...
Не обделил его терпением Бог —
Всё гениально выразил художник.

В мазках картин читается влюблённость
В необъяснимый, фантастичный мир.
Для каждого здесь ключ, ориентир...
Фамилия сего творца — Чюрлёнис.

* * *

*Посвящение Валентине Ходасевич,
художнику Серебряного века*

Вселенная образов, красок и линий,
Объёмов, лучей, плоскостей...
«Весёлый художник»⁴ рисует картины,
Портреты великих людей.

В полотнах — динамика и лаконичность,
Естественность и простота.
Умение выделить то, что первично,
На девственном ложе холста.

В движении вечном идеей генератор,
Отточен и почерк, и стиль:
Кубист, иллюстратор и мастер плаката
В расцвете таланта и сил.

Экзотика — в каждом штрихе декораций,
С изюминкой — модный наряд...
Эскизы костюмов цариц и паяцев
О вкусе творца говорят.

Серебряный век — век открытий, подъёма
И время рождения звёзд,
Чьё творчество миру понятно, знакомо
До боли, восторгов и слёз...

Потомкам оставили добрую память,
В искусстве — отчётливый след.
Сквозь толщу веков серебро амальгамы
Их душ отражает нам свет.

Краснодарский край, г. Геленджик

⁴ «Весёлый художник» — так себя называла сама Валентина Ходасевич.

МАРИИ ЯКУНЧИКОВОЙ

*Навеяно картиной
М.В. Якунчиковой «Свеча»*

Тонким пламенем тусклой свечки
Ветерок заиграет, как струнами.
Тени тянутся из углов — предтечи —
За окном, когда выются сумерки,

Сжат до срока твой век — до ленточки,
Лишь душа широтою народною.
За окном наклонились веточки,
Будто чувствуют восточку скорбную.

«В землянике, во мху да травах»
Ты нашла себе дом навечно.
Там, скучая о русских дубравах,
Ты теперь на пути — на млечном.

БЕЗМОЛВИЕ

*На картину М.В. Якунчиковой
«Кладбище зимой»*

В безмолвие уходят навсегда.
Под грузом дел и слов, что не сказали.
И раскачает маятник беда,
И шёпот громче грома: «Опоздали».

Безмолвием сокрыта суета,
И сброшены оковы все земные.
А на земле осталась пустота,
Я помню руки — тёплые, родные!

Безмолвием покрыта тайна слов,
Безудержность веселья или грусти.
Мне б докричаться до иных миров...
Но кто ж мои слова к тебе допустит?